

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» 1982

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» МОСКВА 1982

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ

озьму гусли звонкие, яровчатые да настрою гусли на старинный лад, заведу старину стародавнюю, бывальщину о деяньях славно-русского богатыря Добрыни Никитича. Си-нему морю на тишину, а всем добрым людям на послушанье.

В славном городе было, во Рязани, жил муж честной Никита Романович со своей верной женой Афимьей Александровной. И на радость отцу с матерью у них рос-подрастал единый сын, молодёшенький Добрыня Никитич.

Вот жил Никита Романович девяносто лет, жил-поживал — да и преставился.

Овдовела Афимья Александровна, сиротой остался Добрыня шести годов. А семи годов посадила сына Афимья Александровна грамоту учить.

И скорым-скоро грамота ему в наук пошла: научился Добрыня бойко книги читать и орлиным пером того бойчее владеть.

А двенадцати годов он на гусях играл. На гусях играл, песни складывал.

Честная вдова Афимья Александровна на сына глядит, не нарадуется. Растёт Добрыня в плечах широк, тонок в поясе, брови чёрные вразлёт соболиные, глаза зоркие соколиные, кудри русые вьются кольцами, рассыпаются, с лица бел да румян, ровно маков цвет, а силой да ухваткой ему равных нет, и сам ласковый, обходительный.

ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ

И вот вырос Добрыня до полного возраста. Пробудились в нём ухватки богатырские. Стал Добрыня Никитич на добром коне в чисто поле поезживать да малых змеёнышей резвым конём потаптывать.

Говорила ему родна матушка, честная вдова Афимья Александровна:

— Дитятко моё, Добрынюшка, не надобно тебе купаться в Почай-реке. Почай-река сердитая, сердитая она, свирепая. Первая в реке струя, как огонь сечёт, из другой струи искры сыплются, а из третьей струи дым столбом валит. И не надобно тебе ездить на дальнюю гору Сорочинскую да ходить там в норы-пещеры змеиные.

Молоденький Добрыня Никитич своей матушки не слушался. Выходил он из палат белокаменных на широкий, на просторный двор, заходил в конюшню стоялую, выводил коня богатырского да стал засёдлывать: сперва накладывал потничек, а на потничек накладывал войлочек, а на войлочек — седёлышко черкасское, шелками, золотом украшенное, двенадцать подпругов шелковых затягивал. Пряжки у подпругов — чиста золота, а шпенёчки у пряжки — булатные, не ради басы-красы, а ради крепости: как ведь шёлк то не рвётся, булат не гнётся, красное золото не ржавеет, богатырь на коне сидит, не стареет.

Потом приладил к седлу колчан со стрелами, взял тугой богатырский лук, взял тяжёлую палицу да копье долгомерное. Зычным голосом кликнул паробка, велел ему в провожатых быть. Видно было, как на коня садился, а не видно, как со двора укатился, только пыльная курева завилась столбом за богатырём.

Ездил Добрыня с паробком по чисту полю. Ни гусей, ни лебедей, ни серых утушек им не встретилось. Тут подъехал богатырь ко Почай-реке. Конь под Добрыней изнурился, и сам он под пекучим солнцем приумаялся.

Захотелось добру молодцу искупаться. Он слезал с коня, снимал одёжу дорожную, велел паробку коня вываживать да кормить шелковой травой-муравой, а сам в одной тоненькой полотняной рубашечке заплыл далече от берега.

Плавает и совсем забыл, что матушка наказывала... А в ту пору как раз с восточной стороны лихая беда накатилась: налетел Змеинище-Горынище о трёх головах, о двенадцати хоботах, погаными крыльями солнце затмил. Углядел в реке безоружного, кинулся вниз, ощерился: «Ты теперь, Добрыня, у меня в руках. Захочу — тебя огнём спалю, захочу — в полон живьём возьму, унесу тебя в горы Сорочинские, во глубокие норы во змеиные!» Сыплет искры, огнём палит, ладится хоботами добра молодца ухватить. А Добрыня проворен, увёртлив, увернулся от хоботов змеиных да вглубь нырнул, а вынырнул у самого у берега. Повыскочил на жёлтый песок, а Змей за ним по пятам летит. Ищет молодец доспехи богатырские, чем ему со Змеем-чудовищем ратиться¹, и не нашёл ни паробка, ни коня, ни боевого снаряжения. Напугался паробок Змеища-Горынища, сам убежал и коня с доспехами прочь угнал. Видит Добрыня: дело неладное, и некогда ему думать да гадать... Заметил на песке шляпу-колпак земли греческой да скорым-скоро набил шляпу жёлтым песком и метнул тот трёхпудовый колпак в супротивника. Упал Змей на сыру землю. Вскочил богатырь Змею на белу грудь, хочет Змею отрубить все три головы. Тут поганое чудовище взмолилося: «Молоденький Добрынюшка Никитич! Ты не бей, не казни меня, отпусти живого, невредимого. Мы напишем с тобой записи промеж себя: не драться веки вечные, не ратиться. Не стану я на Русь летать, разорять сёла с присёлками, во полон людей не стану брать. А ты, мой старший брат, не езди в горы Сорочинские, не топчи резвым конём малых змеёнышей».

¹ Ратиться — бороться, биться, обороняться.

Молоденький Добрыня, он доверчивый: льстивых речей послушался, отпустил Змея на волю-вольную, на все на четыре стороны, сам скорым-скоро нашёл паробка со своим конём, со снаряжением. После того воротился домой да своей матери низко кланялся: «Государыня матушка! Благослови меня на ратную службу богатырскую».

Благословила его матушка, и поехал Добрыня в стольный Киев-град. Он приехал на княжеский двор, привязал коня к столбу точёному, ко тому ли кольцу золочёному, сам входил в палаты белокаменные, крест клал по-писанному, а поклоны вёл по-учёному: на все на четыре стороны низко кланялся, а князю с княгиней во особицу. Приветливо князь Владимир гостя встречал да расспрашивал:

— Ты откулешний, дородный добрый молодец, чьих родов, из каких городов? И как тебя по имени звать, величать по изотчине?

— Я из славного города Рязани, сын Никиты Романовича да Афимьи Александровны — Добрыня, сын Никитич. Приехал к тебе, князь, на службу ратную¹.

А в ту пору у князя Владимира столы были раздёрнуты, пировали князья, бояре и русские могучие богатыри. Посадил Владимир-князь Добрыню Никитича за стол на почётное место между Ильёй Муромцем да Алёшей Поповичем, подносил ему чару зелена вина.

А князь Владимир между тем по столовой горнице похаживал, пословечно государь выговаривал:

— Ой вы гой еси, русские могучие богатыри, не в радости нынче я живу, во печали. Потерялась моя любимая племянница, молодая Забава Путятична. Гуляла она с мамками, с няньками в зеленом саду, а в ту пору летел над Киевом Змеинище-Горынище, ухватил он Забаву Путятичну, взвился выше лесу стоячего и унёс на горы Сорочинские, во пещеры глубокие змеиные. Нашёлся бы кто из вас, ребятушки: вы, князья подколен-

¹ Ратную — боевую; в данном случае — военную.

ные¹, вы, бояре ближние, и вы, русские могучие богатыри, кто съездил бы на горы Сорочинские, выручил из полона змеинового, вызволил прекрасную Забаву Путятичну и тем утешил бы меня и княгиню Апраксию?!

Все князья да бояре молчком-молчат. Большой хоронится за меньшего, а от меньшего и ответа нет. Тут и пало на ум Добрыне Никитичу: «А ведь нарушил Змей заповедь: на Русь не летать, во полон людей не брать — коли унёс, полонил Забаву Путятичну». Вышел из-за стола, поклонился князю Владимиру:

— Солнышко Владимир-князь стольно-киевский, ты накинь на меня эту службицу. Ведь Змей Горыныч меня братом признал и поклялся век не летать на землю Русскую и в полон не брать, да нарушил ту клятву. Мне и ехать на горы Сорочинские, выручать Забаву Путятичну.

Князь лицом просветлел и вымолвил:

— Утешил ты нас, добрый молодец!

А Добрыня низко кланялся на все на четыре стороны, а князю с княгиней во особицу, потом вышел на широкий двор, сел на коня и поехал в Рязань-город. Там у матушки просил благословения ехать на горы Сорочинские, выручать из полона змеинового русских пленников.

Говорила мать Афимья Александровна:

— Поезжай, родное дитяtko, и будет с тобой моё благословение! — Потом подала плётку семи шелков, подала расшитый платок белополотняный и говорила сыну таковы слова: — Когда будешь ты со Змеем ратиться, твоя правая рука приустанет, приумашется, белый свет в глазах потеряется, ты платком утрись и коня утри, всю усталость как рукой снимет и сила у тебя и у коня утроится, а над Змеем махни плёткой семишелковой — он приклонится ко сырой земле. Тут ты рви-руби все хоботы змеиные — вся сила истощится змеиная.

Низко кланялся Добрыня своей матушке, честной вдове Афимье Александровне, потом сел на добра коня и

¹ Подколенные — в данном случае — подчинённые.

поехал на горы Сорочинские. А поганый Змеинище-Горынище учуял Добрыню за полпоприща¹; налетел, стал огнём палить да биться-ратиться. Бьются они час и другой. Изнурился борзый конь, спотыкаться стал, и у Добрыни правая рука умахалась, в глазах свет померк. Тут и вспомнил богатырь материнский наказ. Сам утёрся расшитым платком белополотняным и коня утёр. Стал его верный конь поскакивать в три раза резвее прежнего. И у Добрыни вся усталость прошла, его сила утроилась. Улучил он время, махнул над Змеем плёткой семишелковой, и сила у Змея истощилась: приник-припал он к сырой земле. Рвал-рубил Добрыня хоботы змеиные, а под конец отрубил все три головы у поганого чудовища, порубил мечом, потоптал конём всех змеёнышей и пошёл во глубокие норы змеиные, разрубил-разломал запоры крепкие, выпускал из полона змеиного народу множество, отпускал всех на волю-вольную. Вывел Забаву Путятичну на белый свет, посадил на коня и привёз в стольный Киев-град. Привёл в палаты княженецкие, там поклон вёл по-писаному: на все на четыре стороны, а князю с княгиней во особицу, речь заводил по-учёному:

— По твоему, князь, повелению ездил я на горы Сорочинские, разорил-повоевал змеиное логово. Самого Змеинища-Горынища и всех малых змеёнышей порешил, выпустил на волю народу тьму-тьмущую и вызволил твою любимую племянницу, молодую Забаву Путятичну.

Князь Владимир был рад-радёшенек, крепко обнимал он Добрыню Никитича, целовал его в уста сахарные, сажал на место почётное, сам говорил таковы слова:

— За твою службы великую жалую тебя городом с пригородками!

На радостях завёл князь почестен пир-столование на всех князей-бояр, на всех богатырей могучих прославленных. И все на том пиру напивались-наедались, прославляли геройство и удаль богатыря Добрыни Никитича.

¹ Поприще — место битвы; в данном случае — путевая мера, длина пути.

ДОБРЫНЯ, ПОСОЛ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА

Столованье-пированье у князя идёт вполпира, гости сидят вполпьяна. Один князь Владимир стольно-киевский печален, нерадостен. По столовой горнице он похаживает, пословечно государь выговаривает:

— Избыл я заботу-печаль о любимой племяннице, о прекрасной Забаве Путятичне, а теперь ещё одна беда-невзгода приключилась: требует хан Бахтияр Бахтиярович дань великую за двенадцать лет, в том грамоты-записи промеж нас были написаны. Грозится хан войной идти, коль дань не дам. Вот и надобно послов послать к Бахтияру Бахтияровичу, отвезти дани-выходы: двенадцать лебедей, двенадцать кречетов да и грамоту повинную, а дань сама по себе. Вот и думаю, кого мне послами послать?

Тут все гости за столами приумолкли. Большой хоронится за среднего, средний хоронится за меньшего, а от меньшего и ответа нет. Потом поднялся ближний боярин:

— Ты позволь мне, князь, слово вымолвить.

— Говори, боярин, мы послушаем,— отвечал ему Владимир-князь.

И боярин стал сказывать:

— Ехать в ханскую землю — служба немалая, и лучше некого послать, как Добрыню Никитича да Василья Казимировича, а в помощники послать Ивана Дубровича. Ведомо им, как в послах ходить, и знают, как с ханом разговор вести.

И тут Владимир-князь стольно-киевский наливал три чары зелена вина, не малые чары — в полтора ведра, разводил вино медами стоялыми. Перву чару подносил Добрыне Никитичу, другую чару — Василью Казимировичу, а третью чару — Ивану Дубровичу.

Все три богатыря вставали на резвы ноги, принимали

чару одной рукой, выпивали за единый дух, низко князю поклонились и все трое промолвили:

— Твою службу мы справим, князь, поедем в землю ханскую, отдадим твою грамоту повинную, двенадцать лебедей в дар, двенадцать кречетов и дани-выходы за двенадцать лет Бахтияру Бахтияровичу.

Подавал князь Владимир послам грамоту повинную и велел подать в дар Бахтияру Бахтияровичу двенадцать лебедей, двенадцать кречетов, а потом насыпал короб чистого серебра, другой короб — красного золота, третий короб — скатного¹ жемчуга: дани хану за двенадцать лет.

С тем садились послы на добрых коней и поехали в землю ханскую. Они день едут по красну солнышку, в ночь едут по светлomu месяцу. День за днём, словно дождь дождит, неделя за неделей, как река бежит, а добры молодцы вперёд подвигаются.

И вот приехали они в землю ханскую, на широкий двор к Бахтияру Бахтияровичу. Слезали с добрых коней. Молодой Добрыня Никитич на пяту двери поразмахивал, и входили они в ханские палаты белокаменные. Там крест клали по-писаному, а поклоны вели по-учёному, на все на четыре стороны низко кланялись, самому хану во особицу.

Хан у добрых молодцев стал выпрашивать:

— Вы откуда, дородные добрые молодцы? Из каких городов, вы каких родов и как вас звать-величать?

Ответ держали добрые молодцы:

— Мы приехали из города из Киева, от славного от князя от Владимира. Привезли тебе дани-выходы за двенадцать лет.

Тут и подали хану грамоту повинную, подали двенадцать лебедей в дар, двенадцать кречетов. Потом подали короб чиста серебра, другой короб красна золота да третий короб скатного жемчуга. После этого посадил Бахти-

¹ Скатный жемчуг — крупный, круглый, ровный, будто скатанный.

яр Бахтиярович послов за дубовый стол, кормил-потчевал, поил и стал выпрашивать:

— Есть ли у вас на святой Руси, у славного князя у Владимира, кто играет в шахматы, в дорогие тавлеи¹ золочёные? Играет ли кто в шашки-шахматы?

Проговорил в ответ Добрыня Никитич:

— Я могу с тобой, хан, в шашки-шахматы поиграть, в дорогие тавлеи золочёные.

Приносили доски шахматные, и стали Добрыня с ханом по шашечной доске ходить, с клетки в клетку переступывать.

Добрыня раз ступил и другой ступил, а на третий хану и ход закрыл. Говорит Бахтияр Бахтиярович:

— Ай, горазд же ты, добрый молодец, в шашки-тавлеи играть. До тебя с кем ни играл, всех обыгрывал. Под другую игру я залог кладу: два короба чиста серебра, два короба красна золота да два короба скатного жемчуга.

Отвечал ему Добрыня Никитич:

— Моё дело дорожное, нет при мне бессчётной золотой казны, нет ни чистого серебра, ни красного золота, нет и скатного жемчуга. Разве что поставлю в заклад я свою буйну голову.

Вот хан раз ступил — недоступил, другой раз ступил — переступил, а на третий раз Добрыня ему и ход закрыл, он повыиграл залог у Бахтиярову: два короба чистого серебра, два короба красного золота да два короба скатного жемчуга.

Горячился хан, раззадорился, он поставил велик залог: платить дани-выходы князю Владимиру за двенадцать лет с половиною. И в третий раз залог Добрыня выиграл.

Велик проигрыш, хан проиграл да и обиделся. Говорит он таковы слова:

¹ Тавлея — старинная шашечница — расчерченная доска для игры в шашки, шахматы, кости.

— Славные богатыри, послы Владимира! Кто из вас горазд из лука стрелять, чтоб пропустить калёну стрелу по острию по ножовому, чтоб пополам стрела раздвоилась да попала бы стрела во кольцо серебряное и обе половины стрелы были весом равны.

И двенадцать дюжих богатырей принесли самолучший ханский лук.

Молодой Добрыня Никитич берёт тот тугой лук разрывчатый, стал калёну стрелу накладывать, тетиву стал Добрыня натягивать, тетива порвалась, как гнилая нить, а лук приломался, рассыпался. Проговорил молоденький Добрынюшка:

— Ай же ты, Бахтияр Бахтиярович, то дрянное лучишко, негодное!

И сказал Ивану Дубровичу:

— Ты ступай-ка, мой крестовый брат, на широкий двор, принеси мой дорожный лук, что ко правому стремени прилаженный.

Отстегнул Иван Дубрович лук от правого от стремени и понёс тот лук в палату белокаменну. А к луку были пристроены гусельцы звонкие — не для красы, не для угожества, а потехи ради молодецкой. И вот несёт Иванушка лук, на гусельцах наигрывает. Все татары заслушались, эдакого дива век у них не было...

Берёт Добрыня свой тугой лук, становится супротив колечка серебряного, и три раза он стрелял по острию ножовому, двоил стрелу калёну надвое и попадал три раза в кольцо серебряное.

Принимался тут стрелять Бахтияр Бахтиярович. Первый раз он стрелил, недострелил, другой раз стрелил, перестрелил и третий раз стрелил, да в кольцо не попал.

Это хану не в любовь пришло, не в любовь пришло, не полюбилось. И задумал он нехорошее: извести, порешить послов киевских, всех трёх русских богатырей. А сам заговорил ласково, приветливо:

— Не пожелает ли кто из вас, славные богатыри,

послы Владимировы, побороться-потешиться с нашими борцами, своей силы поотведати?

Не успели Василий Казимирович да Иван Дубрович и слова вымолвить, как молоденький Добрынюшка епанчу¹ снимал, расправлял плечи могучие и вышел на широкий двор. Там встречал его татарский богатырь-боец. Росту богатырь страшного, в плечах косая сажень, голова, как пивной котёл, а за тем богатырём бойцов многое множество. По двору стали они похаживать, стали молодого Добрынюшку поталкивать. А Добрыня их отталкивал, попинывал да от себя откидывал. Тут страшный богатырь ухватил Добрыню за белые руки, да недолго они боролись, силой мерялись — увёртлив, силен Добрыня был, ухватистый, кинул-бросил он богатыря на сыру землю, только гул пошёл, земля дрогнула. Ужаснулись сперва бойцы, поопешили, а потом всем скопом на Добрыню накинулись, и борьба-потеха тут боем-дракой сменилася. С криком, руганьем да с оружием на Добрыню навалилися. А Добрыня безоружный был, перву сотню раскидал, распинал, а за теми целая тысяча. Выхватил он тележную ось и принялся той осью недругов потчевать. На подмогу ему выскочил из палат Иван Дубрович, и стали они вдвоём недругов бить-колотить. Где пройдут богатыри — там улица, а в сторону свернут — переулочек: лежа-лежат недруги, не ойкают.

Руки-ноги у хана затряслись, как увидал он это побоище. Кое-как выполз-вышел на широкий двор и взмолился, стал упрашивать:

— Славные русские богатыри! Вы оставьте моих бойцов, не губите их! А я дам князю Владимиру грамоту повинную, закажу внукам и правнукам с русскими не биться, не ратиться и буду дани-выходы платить веки вечные!

Зазывал послов-богатырей в палаты белокаменные,

¹ Епанча — широкий безрукавный плащ.

угощал там яствами сахарными да питьями медвяными. После того написал Бахтияр Бахтиярович князю Владимиру грамоту повинную: веки вечные на Русь войной не ходить, с русскими не биться, не ратиться и платить дани-выходы во веки веков. Потом насыпал воз чистого серебра, другой воз насыпал красного золота, а третий воз насыпал скатного жемчуга да в дар Владимиру посылал двенадцать лебедей, двенадцать кречетов и с великой почестью послов проводил. Сам выходил на широкий двор и вслед богатырям низко кланялся.

А русские могучие богатыри Добрыня Никитич, Василий Казимирович да Иван Дубрович садились на добрых коней и отъехали от двора Бахтияра Бахтияровича, а вслед за ними гнали три воза с бессчётной казной да с дарами князю Владимиру.

День за днём, как дождь дождит, неделя за неделей, как река бежит, а богатыри-послы вперёд подвигаются. Они едут с утра день до вечера, красного солнышка до заката. Когда резвые кони отощат и сами добрые молодцы притомятся, приустанут, ставят шатры белополотняные, коней покормят, сами отдохнут, поедят-попьют и опять путь-дорогу коротают. Широкими полями едут, через быстрые реки переправляются и вот приехали в стольный Киев-град.

Заезжали на княжеский просторный двор да слезали тут со добрых коней, потом Добрыня Никитич, Василий Казимирович да Иванушка Дубрович входили в палаты княженецкие, они крест клали по-учёному, поклоны вели по-писаному: на все на четыре стороны низко кланялись, а князю Владимиру со княгиней во особицу, и говорили таковы слова:

— Ой ты гой еси, князь Владимир стольно-киевский! Побывали мы в ханской орде, твою службу там справили. Велел хан Бахтияр тебе кланяться.— И тут подали князю Владимиру ханскую грамоту повинную.

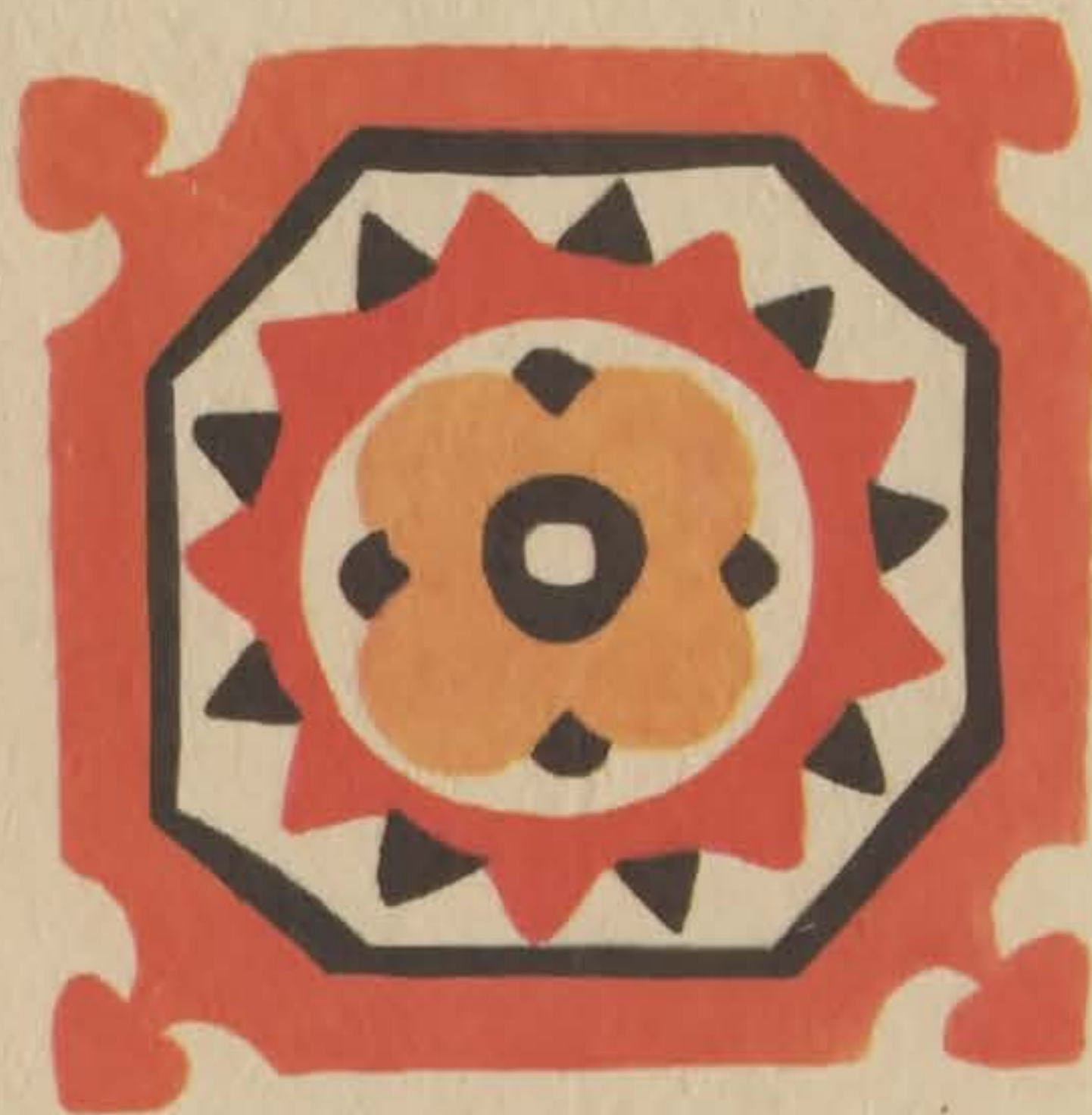
Садился князь Владимир на дубовую скамью и читал ту грамоту. Потом вскочил на резвы ноги, стал по па-

лате похаживать, кудри русые стал поглаживать, ручкой правою стал помахивать и возговорил светло-радостно:

— Ай же, славные русские богатыри! Ведь в грамоте ханской просит Бахтияр Бахтиярович мира на веки вечные, и ещё там прописано: будет-де он платить дани-выходы нам век по веку. Вот как преславно вы моё посольство там справили!

Тут Добрыня Никитич, Василий Казимирович да Иван Дубрович подавали князю Бахтияров дар: двенадцать лебедей, двенадцать кречетов и великую дань — воз чистого серебра, воз красного золота да воз скатного жемчуга.

И завёл князь Владимир на радостях почестен пир во славу Добрыни Никитича, Василья Казимировича да Ивана Дубровича. А на том Добрыне Никитичу и славу поют.

Пересказ А. Нечаева

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ

Русская былина

ИБ № 1169

Редактор Б. Цыбина. Художественный редактор Г. Коптелова. Технический редактор О. Кистерская. Корректор Н. Пьянкова. Сдано в набор 15.01.82. Подписано в печать 1.10.82. 60×90/8. Бумага офс. № 2. Гарнитура балтика. Печать офсет. Усл. печ. л. 3,0. Усл. кр.-отт. 21,0. Уч.-изд. л. 2,54. Тираж 300 000 экз. Изд. № 6332. Заказ № 1501. Цена 20 коп. Издательство «Малыш». Москва, К-55, Бутырский вал, 68. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Н 480300000—032 Без объявл.-82
М102(03)-82

Рисунки В. Кулькова